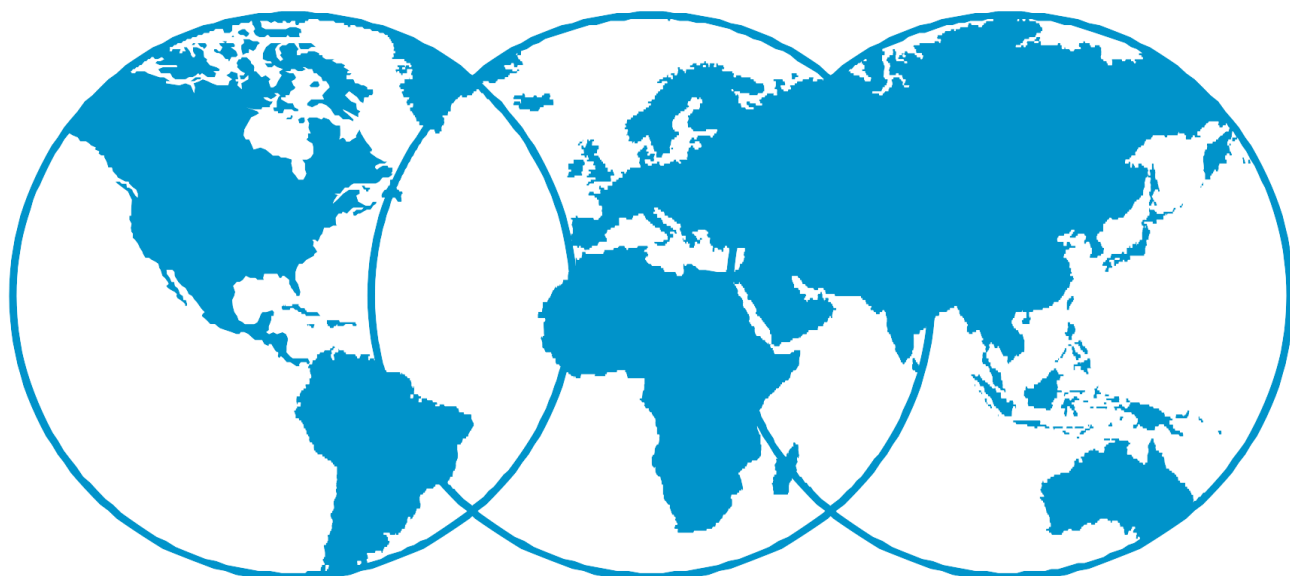

ІНСТИТУТ
ПОЛІТИЧНИХ
І ГЕОПОЛІТИЧНИХ
ДОСЛІДЖЕНЬ

НАУКОВИЙ ВІСНИК

ВИПУСК №1, 2015

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

Эскалация боевых действий на Востоке Украины актуализирует необходимость поиска закономерностей протекания внутрицивилизационных конфликтов. В свою очередь, их огромное количество затрудняет процедуру сравнения мировых и восточно-украинского цивилизационных конфликтов. В статье поднимается вопрос о типологизации внутрицивилизационных конфликтов. Выделяются критерии типологизации, позволяющие корректно сопоставлять между собой европейские, азиатские и украинские конфликты. Обосновываются хронологические рамки компаративного исследования. *Ключевые слова:* типология, конфликт, цивилизация, Украина, Россия, внутрицивилизационный конфликт.

Додонов Р.О.

ДО ПИТАННЯ ПРО ТИПОЛОГІЗАЦІЮ ЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ КОНФЛІКТІВ

Ескалація бойових дій на Сході України актуалізує необхідність пошуку закономірностей протікання внутрішньоцивілізаційних конфліктів. У свою чергу, їх величезна кількість ускладнює процедуру порівняння світових і східно-українського цивілізаційних конфліктів. У статті піднімається питання про типологізації внутрішньоцивілізаційних конфліктів. Виокремлюються критерії типологізації, що дозволяє коректно зіставляти між собою європейські, азіатські і українські конфлікти. Обґрунтовуються хронологічні рамки компаративного дослідження.

Ключові слова: типологія, конфлікт, цивілізація, Україна, Росія, внутрішньоцивілізаційний конфлікт.

THE QUESTION OF TYPOLOGY OF CIVILIZATION CONFLICTS

The escalation of fighting in the East of Ukraine are updated by the need to find regularities of intra-civilization conflict. In turn, they are a huge number complicates the comparison of the world and East Ukrainian civilizational conflicts. The article raises the question of the typology of intra-civilization conflict. Stand typology criteria, allowing a correct match between the European, Asian and Ukrainian conflicts. Substantiates the chronological framework of comparative studies.

Keywords: typology, conflict, civilization, Ukraine, Russia, intra-civilization conflict.

Постановка проблемы. Восточно-украинский конфликт актуализировал необходимость осмысления происходящего в нашей стране с позиций внутреннего и внешнего наблюдателя. Последнему, в частности, волей-неволей приходится сопоставлять украинские события 2014/15 годов с другими вооруженными конфликтами, имевшими место в отдаленном и недавнем прошлом. Поиск аналогий, компаративистский анализ мировых внутрививилизационных и восточно-украинского конфликтов позволит найти ответ на вопросы: что общего и в чем особенность развертывания этих процессов? Какие существуют закономерности их протекания? Каких событий следует ожидать в случае сохранения наметившихся тенденций? А главное, – какие существуют эффективные пути преодоления конфликта и выхода из создавшейся ситуации?

Историки подсчитали, что человечество за последние пять с половиной тысячелетий прошло через 15 000 войн и вооруженных конфликтов, унесших более трех миллиардов жизней. Начиная с 3600 года до н.э. и заканчивая 2008 годом, когда были опубликованы результаты этих подсчетов, лишь 292 года

были мирными, что составляет 5 % от указанного хронологического отрезка. Остальное время человечество беспрестанно воевало. Казалось бы, исследователю восточно-украинского конфликта есть с чем сравнивать и сопоставлять. Однако столь богатая для компаративистики эмпирическая база из кажущегося достоинства превращается в недостаток, ибо не может быть использована для теоретических обобщений в нерафинированном виде, а требует первичной обработки, включающей систематизацию, классификацию, типологизацию конфликтов. Иначе говоря, проблема заключается в сознательном ограничении эмпирической базы исследования лишь теми ее элементами, которые могут быть соотнесены с интересующими нас событиями в Украине.

Анализ последних исследований и публикаций. Длительное время цивилизационные конфликты изучались преимущественно исторической наукой, вне сопоставления с другими видами социальных конфликтов. Так, например, К. Боулдинг, Р. Слайдер и другие представители общей теории конфликтов не придавали существенного значения специфике цивилизационных конфликтов как одной из форм взаимодействия локальных цивилизаций. В середине прошлого века в трудах П. Сорокина, К. Райта, Р. Дарендорфа, Л. Козера появился новый подход, в котором цивилизационные конфликты рассматривались как разновидность социальных конфликтов. Затем институционализировалась конфликтология как самостоятельная дисциплина, интегрировавшая достижения социальной психологии, политологии, социологии, истории, экономической и правовой науки. Социальный конфликт определялся как наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу. Но даже конфликтология до сих пор не выработала устоявшегося и удовлетворяющего

всех аналитиков определения понятия «цивилизационный конфликт», главным образом, по причине бесконечного многообразия его признаков и свойств политического, экономического, социального, идеологического, дипломатического, военного и международно-правового характера.

Компенсировать этот недостаток исследователи пытаются путем соотнесения понятия «цивилизационный конфликт» с понятием «конфликт международный». Так, К. Райт писал, что конфликт есть определенное отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях, в самых различных степенях. В широком смысле конфликт может быть подразделен на четыре стадии: 1) осознание несовместимости; 2) возрастающая напряженность; 3) давление без применения военной силы для разрешения несовместимости; 4) военная интервенция или война для навязывания решения. Конфликт в узком смысле относится к ситуациям, в которых стороны предпринимают действия друг против друга, т.е. к двум последним стадиям конфликта в широком смысле. Сильной стороной данной дефиниции является динамический подход, представляющий конфликт в качестве процесса, проходящего через одни и те же стадии своего развертывания. Однако нельзя не видеть, что до последней, четвертой стадии конфликт может и не дойти, найдя «разрешение» невоенным, ненасильственным путем. Война есть частный случай международного конфликта, что подводит нас к первой разновидности типологизации конфликтов, различающей, в зависимости от используемых средств, военные и мирные способы своего разрешения.

Среди достаточно обширной конфликтологической литературы, описывающей политические, экономические, социокультурные, военные, гуманитарные аспекты многочисленных цивилизационных конфликтов, крайне мало работ, посвященных непосредственно методологии исследований. В частности, речь идет о проблеме типологии конфликтов. В «Новой

философской энциклопедии» приведено определение типологии как «метода научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью типа, т.е. обобщенной, идеализированной модели. Типология используется в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов, как сосуществующих, так и разделенных во времени» [1, с.70]. Применительно к цивилизационным конфликтам методология «расчленения систем объектов и их группировка с помощью типа» описывалась такими авторами как С. Хантингтон [5], Н. Баранов [6], Т. Вакулова [7], Р. Рывкина [9] и проч.

Формулировка цели статьи: типологизация мировых внутрицивилизационных конфликтов с последующим определением критерия сопоставимости выделенных типов с восточно-украинским конфликтом.

Изложение основного материала исследования. Процедура типологизации предполагает вычленение путем анализа разнообразных качеств и свойств множества элементов системы и поиска существенных признаков, становящихся в результате этого поиска критерием типологизации. Типологизация может основываться на понятии типа как основной логической единицы расчленения исследуемой реальности либо использовать иные логические формы: классификацию, систематику, таксономию. Таким образом, частным случаем процедуры типологизации есть классификация. Соответственно, по своему содержанию понятие «типологизация» шире понятия «классификация». Хотя, справедливости ради, следует указать и на позицию А.И. Ракитова, который считает, что «типология оказывается особым, притом весьма важным видом классификации, учитывающим специфику развивающихся систем» [2, с.95-96]. Уже приходилось писать [3, с.52.], что в методологическом плане типологизация и классификация – достаточно близкие друг к другу логико-познавательные операции, в основе которых лежит мысленное распределение конкретных предметов по группам, как бы они не

назывались – типами или классами. Такое распределение восходит к установлению пространственно-временной локализации объектов. Самым элементарным способом данной процедуры выступает дихотомия – образование бинарных оппозиций, продуктом которой является диада. Более сложный вариант – «крест» как наложение друг на друга двух разных бинарных оппозиций, затем следуют тетрады и триады, появляющиеся в результате опосредования (медиации). Общим моментом для типологизации и классификации является необходимость выделения критерия, то есть признака, на основании которого осуществляется группировка.

И все же между типологизацией и классификацией есть разница. Типологизацию уместнее использовать в случае анализа разнородной, еще только становящейся системы, где группировке подлежат сходные по некоторым параметрам элементы. Н.Н. Козлова сравнивает тип с «порождающим мелодическую структуру» шаблоном. Неоднократное использование шаблона выявляет многочисленные вариации и «интерпретации одного и того же произведения» [4, с.42]. Классификация же применяется преимущественно для расчленения уже сформировавшейся, целостной системы на части, когда осмыслены основные закономерности ее развития. Именно эти закономерности позволяют выделить критерий, на основе которого в последующем осуществляется разбивка целостной системы на классы (уровни, разряды, отряды). Предполагается, что сумма разведенных по классам элементов должна равняться сумме всех элементов системы, то есть классификация исчерпывает процедуру анализа. При этом «критерий» типологизации является таким же необходимым продуктом данной процедуры, как и сами «типы», в то время как критерии классификации представляют собой признаки, уже существующие на момент начала деления целостной системы на классы.

Кроме того, если типологизация осуществляется по отношению к гетерогенной среде, то классификация – к гомогенной системе. Используя категории «единичное-особенное-общее (всеобщее)», можно сказать, что в типологизации мыслительная группировка признаков осуществляется по направлению «от единичного к особенному», а в классификации, наоборот, «от общего к особенному». Наконец, и хронологически, и логически типологизация более характерна для ранних этапов развития науки, в то время как классификация требует некоторой зрелости последней.

Определившись, таким образом, с особенностями типологизации и классификации, попытаемся применить первую процедуру к цивилизационным конфликтам.

В политологической и конфликтологической литературе можно встретить различные основания для типологизации. Так, в частности,

- в зависимости от количества участников различают конфликты двусторонние и многосторонние;
- в зависимости от географического распространения – локальные, региональные и глобальные;
- в зависимости от времени протекания – краткосрочные и длительные;
- в зависимости от причин – территориальные, экономические, этнические, религиозные и т.п.

Особо следует отметить типологию конфликтов по критерию реализации интересов. В соответствии с ней выделяются два типа конфликтов, а именно конфликты с противоположными интересами, в которых выигрыш одной стороны сопровождается автоматическим проигрышем другой (конфликты с «нулевой суммой»), и конфликты, в которых существует возможность компромиссов (конфликты с «ненулевой суммой»).

Важным критерием для типологизации конфликтов, является, на наш взгляд, их соотнесенность с традиционным или индустриальным обществом.

Конфликт на Донбассе, например, будет существенно отличаться в силу протекания в промышленно развитом регионе от африканских или азиатских аналогов.

После появления трудов С. Хантингтона, категория «цивилизационного конфликта» стала трактоваться как одна из форм проявления цивилизационных противоречий на стадии их значительного обострения, когда стороны предпринимают открытые действия друг против друга с целью реализации своих интересов, используя при этом все доступные средства, имеющиеся в их распоряжении. Иначе говоря, цивилизационный конфликт – это прямое столкновение локальных цивилизаций как надгосударственных субъектов исторического процесса. К их числу С. Хантингтон относил западную (католическую и протестантскую), восточно-славянскую (православную), китайскую (буддистско-конфуцианскую), арабскую (мусульманскую), индуистскую, японскую, латиноамериканскую, африканскую цивилизации. Современные авторы вносят незначительные поправки в перечень локальных цивилизаций, но, в целом, соглашаются с тем, что цивилизационные конфликты следует разделять на 1) межцивилизационные и 2) внутрицивилизационные.

Российский политолог Н.А. Баранов отмечает, что самые масштабные конфликты последних десятилетий, влияние которых выходит далеко за локальные рамки, – это межцивилизационные конфликты, имеющие религиозные корни. Наиболее значимые из них следующие:

1. Конфликты, вызванные исламским фундаментализмом, превратившимся в политическое движение и использующим религиозные догмы для установления во всем мире «исламского порядка». Многолетняя война с «неверными» ведется во всех уголках планеты с широким применением террористических методов (Алжир, Афганистан, Индонезия, Соединенные Штаты, Чечня и т.д.).

2. Межконфессиональные конфликты в Африке. Война в Судане, унесшая жизни 2 млн. человек и вынудившая 600 тыс. стать беженцами, была вызвана противостоянием между властью, выражавшей интересы мусульманской части населения (70%), и оппозицией, ориентированной на язычников (25%) и христиан (5%). Религиозный и этнический конфликт между христианами, мусульманами и язычниками в самой крупной стране континента – Нигерии.

3. Война на Ближнем Востоке, в которой главный объект спора (Иерусалим) имеет огромное значение не только для непосредственных участников конфликта – мусульман и иудеев, но и для христиан.

4. Конфликт между индуистами и исламистами, возникший со времени раздела в 1947 году Индии на Индийский союз и Пакистан и таящий угрозу столкновения двух ядерных держав.

5. Противостояние сербов и хорватов по религиозному признаку, сыгравшее трагическую роль в судьбе Югославии.

6. Взаимное истребление на этнорелигиозной почве сербов и албанцев, проживающих в Косово.

7. Борьба за религиозную и политическую автономию Тибета, начавшаяся с присоединения к Китаю в 1951 году этой территории, бывшей тогда независимой, и приведшая к гибели 1,5 млн. человек [6].

Группируя по типам названные и многие другие, не названные выше межцивилизационные конфликты, можно логически упорядочить их в многочисленные бинарные оппозиции: конфликты западной и исламской, западной и православной, православной и исламской цивилизаций и т.п.

Эскалации межцивилизационных конфликтов во многом способствуют вызванные глобализационными процессами миграционные потоки, представляющие собой угрозу стабильности наиболее развитых государств мира. Тот же С. Хантингтон считал иммиграцию прямой угрозой идентичности,

культурной целостности и национальной безопасности США. Действительно, если удельный вес мигрантов ниже 5-7% численности населения, то во втором-третьем поколении они в основном ассимилируются доминантной культурой. Если же в стране не происходит эффективной ассимиляции выходцев из других цивилизационных образований, а их удельный вес превышает эти критические показатели, то этнокультурные меньшинства неизбежно начинают бороться за признание самобытности своих интересов, чем нередко дестабилизируют ситуацию.

Обобщая специфику протекания межцивилизационных конфликтов в конце XX – начале XXI веков, современные авторы указывают на ряд особенностей. Первая из них заключается в ожесточенности таких конфликтов ввиду противостояния сформировавшихся тысячелетиями различных систем ценностей и образов жизни. Это противостояние с трудом поддается урегулированию.

Вторая особенность современных конфликтов заключается в поддержке участников со стороны стоящих за ними гигантских цивилизационных образований. Так, в споре вокруг Фолклендских островов в 1982 году на стороне Аргентины стоял весь латиноамериканский мир, а на стороне Великобритании – Запад. Масштабы цивилизационной поддержки Афганистана испытал на себе «ограниченный контингент» Советской Армии, встретивший противодействие, по существу, всего арабо-мусульманского мира. Практическую безграничность ресурсов цивилизации ощущают Пакистан и Индия – в споре из-за Пенджаба и Кашмира, палестинцы – на Ближнем Востоке, христиане и мусульмане – в бывшей Югославии и проч.

Третья особенность межцивилизационных конфликтов заключается в фактической невозможности достижения в них победы. Цивилизационная принадлежность участников столкновений, гарантирующая им солидарность

глобального масштаба, стимулирует решительность, а порой и жертвенность участников борьбы.

Четвертая особенность современных конфликтов состоит в том, что цивилизационный фактор может сочетаться с национально-территориальным – геополитическим по своему существу. Так, участники сербо-мусульманохорватского конфликта в Югославии часто меняли союзников в зависимости от изменения ситуации: хорваты-католики вступали в союз с мусульманами против православных сербов, сербы становились союзниками мусульман против хорватов. Позиция стран Запада по отношению к участникам конфликтов также не определялась всецело соображениями цивилизационной близости. Германия поддерживала хорватов, Великобритания и Франция симпатизировали сербам, а США – боснийцам-мусульманам.

Пятая особенность современных конфликтов – практическая невозможность четкого определения агрессора и его жертвы. Когда происходят такие цивилизационные катаклизмы, как распад Югославии, где оказываются затронутыми ткани трех цивилизаций – славяно-православной, западной и исламской, характер суждений о причинах кризиса и о его инициаторах во многом зависит от позиций аналитика [6].

Несмотря на важность анализа межцивилизационных конфликтов, следует подчеркнуть, что в контексте исследования событий на Востоке Украины более актуальным является изучение конфликтов между субъектами одной цивилизации или внутрицивилизационные [7].

Традиционно считается, что конфликты внутри одной цивилизации менее интенсивны и не имеют столь выраженной тенденции к эскалации, как межцивилизационные столкновения. Принадлежность к одной цивилизации несколько уменьшает вероятность насильственных форм конфликтного поведения. Отстаивая этот тезис, Н.А. Баранов пишет: «Цивилизационное единство Запада, основывающееся на общности ценностей и христианском

духовном наследии, минимизирует возможность возникновения военнополитической конфронтации между США и Европейским союзом или внутри последнего, несмотря на имеющиеся различия и противоречия. Ввиду принадлежности России и Украины к одной цивилизации – славяноправославной – незначительна вероятность применения ими насилия друг против друга из-за Крыма или экономических проблем. В интересах обоих государств – прививать своим гражданам чувство принадлежности к более широкому сообществу, выходящему за рамки национальной территории» [6]. (В скобках отметим, что данные мысли были воспроизведены всего за несколько месяцев до аннексии Крыма и горячих боев на Донбассе. Вместе с тем, вряд ли данные положения могут быть расценены как грубый теоретический просчет автора – ведь в возможность войны между русскими и украинцами до последнего момента не верил никто. Несоответствие приведенного вывода реальному состоянию дел лишь подтверждает, что происходящее противоречит государственным интересам как Украины, так и России).

Внутрицивилизационные конфликты действительно несколько отличаются от межцивилизационных степенью агрессивности и непримиримости. Внутри цивилизаций государства не склонны к воинствующему самоутверждению и, более того, стремятся к сближению на общей цивилизационной основе, вплоть до образования сверхгосударственных объединений (Британское содружество наций, Евросоюз, Североамериканская зона свободной торговли, Таможенный союз). Исключения составляют, пожалуй, те находящиеся на периферии цивилизации страны, которые, подобно Украине, обнаружили свое желание выйти из состава одной и примкнуть к другой цивилизационной общности. Подобное «цивилизационное бегство» воспринимается «метрополией» как предательство и обуславливает желание жестоко наказать отступника.

Таким образом, приведенные выше варианты типологизаций конфликтов позволяют нам сузить их число лишь теми, которые по выбранным критериям сопоставимы с восточно-украинским конфликтом. Следовательно, для компаративистики нам необходимо анализировать военные, двусторонние, локальные, длительные (уже сегодня ясно, что восточно-украинский конфликт обнаруживает тенденции к затягиванию на годы), комплексные по причинам возникновения внутрицивилизационные конфликты.

Вторым важным моментом является определение хронологических рамок исследования. Конфликты какого именно периода следует рассматривать? С древнейших времен до наших дней? Конфликты, начиная со второй половины XIX века? XX век? Его вторую половину? После 1991 года? Последние 5 лет?

Очевидно, богатые на военные конфликты предыдущих полтора столетия, когда, по У. Линду, состоялся переход к войнам «второго поколения», предоставляют неисчерпаемый материал для исторических аналогий. Уже Крымская война середины XIX века навевает немало ассоциаций, начиная от внешних (блокирование украинских военных кораблей в крымских бухтах путем затопления российских судов) и заканчивая дипломатическими просчетами России в отношении степени солидарности стран Европы.

Некоторые параллели можно провести между деятельностью корреспондентов российских телеканалов LifeNews и Russia Today и деятельностью их заокеанских коллег времен испано-американской войны 1898 года, которую называют «войной, развязанной журналистами» и «первой войной, заснятой на киноплёнку».

Большой соблазн расширить хронологические рамки до 30-х годов XX века появляется у исследователя при знакомстве с событиями, предшествующими Второй мировой войне. Наиболее часто в публикациях встречается сравнение российской аннексии Крыма с аншлюсом Австрии

гитлеровской Германией и присоединением к ней Судетской области Чехословакии.

Ситуация дежа-вю возникает при знакомстве с заявлениями некоторых европейских лидеров, взявших курс на «умиротворение агрессора».

Перебрасывание пророссийскими ополченцами с себя ответственности за результаты артобстрелов в Донбассе и обвинений Украины в обстреле территории (!) Российской Федерации [8] поразительно напоминают Майнильский инцидент, с которого началась советско-финская война, или приграничную провокацию в Глейвице, приведшую к началу Второй мировой.

Отказ от признания Россией присутствия своих военнослужащих на Востоке Украины также не есть чем-то принципиально новым. Москва имеет богатый опыт посылки «добровольцев», «советников» и вооружения в Китай, Испанию, а после 1945 года – в Корею, Вьетнам, на Кубу, в Анголу, Мозамбик и прочие «горячие точки», не считая при этом себя «воюющей стороной».

И все же, несмотря на подобные соблазны, следует ограничиться теми конфликтами, которые протекали бы в пределах одной локальной цивилизации при попытке выхода из ее состава одной из стран. Парадоксально, но практически все внутрицивилизационные конфликты конца XX – начала XXI веков, связанные с «цивилизационным бегством», происходили при прямом участии России. Очевидно, связано это с тем, что территория православной цивилизации значительно уменьшилась со времен распада Союза ССР (1991 год). Ведь если в конце 1980-х годов граница «русского мира» с западной цивилизацией проходила по Эльбе и Берлинской стене, а с исламским миром – по перевалам Пакистана, то четверть века спустя православная цивилизация граничит с европейской под Счатьем и Курахово, а с мусульманской – в Чечне и Поволжье. Ситуация, напоминающая «шагреновую кожу», определила внешнюю политику РФ, направленную на воссоздание цивилизационного пространства в размерах Российской империи. При этом находящиеся на

периферии и обнаруживающие центробежные стремления бывшие советские республики станут ареной одного большого внутрицивилизационного конфликта. Его адреса меняются: Эстония, Латвия, Литва, вошедшие в состав Евросоюза, благодаря чему до вооруженной стадии конфликта не дошло; Молдова и Приднестровье; Украина, Крым и Донбасс; Грузия, Абхазия и Южная Осетия; Чечня; страны Центральной Азии [9].

Выводы из данного исследования и перспективы. Подводя итоги сказанному, отметим, что проведенная процедура типологизации позволяет отнести восточно-украинский конфликт к числу внутрицивилизационных конфликтов. Ограничивая нижнюю временную границу компаративного анализа 1991 годом, мы, как представляется, наиболее точно выходим на однотипные с восточно-украинским вооруженные внутрицивилизационные конфликты (Приднестровье, Грузия), позволяющие не только находить сходства (вплоть до действующих лиц), но и открывать закономерности, что и есть задачей последующего социально-философского поиска.

Список литературы

1. Огурцов А.П. Типология // Новая философская энциклопедия. В 4 тт. Т.4. – М.: Мысль, 2001. – С.70-72.
2. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
3. Додонов Р.А. Проблема типологизации и классификации цивилизаций // Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Монография. – Донецк: ДонНТУ, УНИТЕХ, 2008. – С.50-57.
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология / Н.Н. Козлова. – М.: Ключ-С, 1998. – 192 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
6. Баранов Н.А. Динамика современных геополитических конфликтов /

Н.А. Баранов // Геополитические проблемы европейского развития
[электронный ресурс] // Адрес доступа:

http://nicbar.narod.ru/geoproblemy_lekzia10.htm

7. Вакулова Т. Цивилизационный фактор в этнополитических конфликтах / Т. Вакулова // Вісник СевДТУ. Вип. 91: Політологія: зб. наук. пр. — Севастополь: Вид-во СевНТУ, 2008. – С.193-198.

8. Украинские военные вновь обстреляли территорию России // RT на русском [электронный ресурс] // Адрес доступа: <http://russian.rt.com/article/44769>

9. Рывкина Р.В. Цивилизационные конфликты в постсоветской России / Р.В. Рывкина. Будущее России, СНГ и евразийской цивилизации. Материалы ХУ Междисциплинарной дискуссии [электронный ресурс] // Адрес доступа:

http://old.nasledie.ru/politvne/18_20/kniga1/article.php?art=49

Відомості про автора:

Додонов Роман Александрович – доктор філософських наук, професор, в.о. завідувача кафедри філософії Донецького національного університету (м.Вінниця, Україна). **Сведения об авторе:**

Додонов Роман Александрович – доктор философских наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой философии Донецкого национального университета (г. Винница, Украина).

Data about the author:

Dodonov Roman Aleksandrovich – Doctor of Philosophical Sciences, professor, acting Head of the Department of Philosophy of the Donetsk National University (Vinnitsa, Ukraine). **E-mail:** dodonovr@mail.ru